

Александр Иве

27603, посадку разрешаю!

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

12+

Александр Иве

27603, посадку разрешаю!

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Иве А.

27603, посадку разрешаю! / А. Иве — «ЛитРес: Самиздат», 2018

В центре повествования судьбы людей, чьи профессии, на первый взгляд, очень далеки друг от друга: врача и летчика гражданской авиации. Волей случая жизненные пути главных героев пересекаются, и череда драматических событий ставит их перед тяжелым выбором: спокойно уйти в сторону или вступить в страшную, смертельно опасную схватку со смертью и вырвать из ее цепких лап погибающего человека. Содержит нецензурную брань.

© Иве А., 2018

© ЛитРес: Самиздат, 2018

Пролог

29 августа 20.. года

В это серое, туманное утро, когда заспанное солнце, едва пришедшее в себя после короткой летней ночи, бросало скупые лучи на пробуждающуюся землю, над военным аэродромом, притаившемся среди глухой сибирской тайги застыла тишина. Ветра не было, в этой местности, со всех сторон окруженной могучими сопками да непролазной тайгой, он был редким гостем. В утреннем безмолвии, едва различимые сквозь серую мглу тумана, густым одеялом накрывшим землю на исходе ночи, застенчиво притаились покрытые темно-зеленой хвоей нежные пихты, застыли полные сонной неги высокие стройные ели с ветвями, спускающимися до самой земли, плотной могучей стеной, словно сказочные богатыри, замерли многовековые кедровые исполины. Под сенью старого хвойного леса, вплотную подступившего к бетонному периметру аэродрома, царили все тот же полумрак и тишина. В этом сказочном царстве под густым пологом крон неприхотливых сибирских деревьев крепко обняв жилистыми лианами могучие стволы сибирских кедров тихо дремали, расточая едва уловимый пряно-горьковатый аромат китайский лимонник и дикий дальневосточный виноград. Ближе к сопкам кедров немного редели, уступая место кустарникам: зарослям можжевельника, дикой смородины и лещины, но быстр опомнившись, деревья снова смыкали свой плотный строй и вновь образовывали густые непролазные чащи, где притаились в ожидании поживы страшные топи болот, заманивая к себе густыми порослями голубики, брусники и кислицы. За деревьями, в туманной дымке виднелись неясные силуэты сопки, похожие на древние ладьи, тихо скользящие по глади безбрежного океана навстречу своей судьбе. Там где густая пелена немного рассеивалась, темными пятнами проступали здания аэродромных построек и размытые контуры самолетов, вокруг которых сустились мелкие, едва различимые фигурки людей.

Туман был совсем не кстати, предстояли полеты, весь день был расписан по минутам. Кляня на чем свет стоит метеоролога, будто бы он был в чем-то виноват, руководитель полетов подполковник Олег Игнатов нервно курил. «Рано или поздно туман рассеется, но как вернуть потерянное время?» – озабоченно думал он. Торопило начальство: комполка названивал каждые пять минут, не забывал отметить и штаб армии. Их можно понять, все-таки первый день испытаний. Пора было уже отправлять самолет на разведку погоды в рабочую зону, но эта серая мура путала все карты. День обещал быть жарким: помимо плановых тренировок по перехвату воздушных целей самолетами их полка, необходимо было выпустить в первый полет двойку и восьмерку. Несколько дней назад их доставили прямо с завода практически в разобранном виде в закрытых контейнерах с целью обеспечения максимальной секретности. Вместе с ними прибыла бригада летчиков-испытателей и инженеров. За какую-то неделю новые машины были подготовлены к полетам. Авиабазы была одной из немногих, где проходили доводку и окончательные испытания сверхсовременные самолеты, лучшие образцы конструкторской мысли в условиях, можно сказать, максимально приближенным к боевым.

Место под сверхсекретный военный аэродром в этом в безмолвном и непроходимом крае было выбрано не случайно. Находясь в естественной низине, со всех сторон окруженный сопками и вековой тайгой он сливался с окружающей местностью и был практически недосягаем для чужих глаз. Платой за такое расположение взлетно-посадочной полосы были трудности с взлетом и посадкой. Траектория снижения – глиссада была довольно крутой, вертикальная и посадочная скорость на пределе возможного, а длина посадочной полосы была значительно короче обычной. Любая ошибка, неточность в расчете, грозили неминуемой катастрофой. От летчика при посадке требовались мастерство и максимальная концентрация внимания. Авиабазы никогда не пополнялась летчиками, только что закончившими военное училище – вче-

рашними курсантами, сюда переводили асов, пилотов которые имели не только большой опыт, но и безукоризненные навыки пилотирования

Посадка в Секвой-3, такой позывной был у авиабазы, чем-то напоминала приземление на палубу авианосца со всеми вытекающими трагическими последствиями в случае неудачи. В котлован, как называли ВПП летчики, садились только истребители-перехватчики и легкие самолеты военно-транспортной авиации, которые были модернизированы и дооснащены специальными приспособлениями, позволяющими быстро гасить высокую посадочную скорость. Тяжелые машины не могли совершить посадку, так как нестандартная глиссада, обусловленная рельефом местности, диктовала высокую посадочную скорость, которая снижалась до необходимых значений только в конце короткой полосы, и в случае удачного приземления на пробег тяжелого самолета не оставалось ни места, ни времени – борт неминуемо таранил бетонный периметр авиабазы. Случалось, что даже дооборудованные истребители, пилотируемые опытными пилотами, разрывали все сетки – ловушки, помогающие остановить самолет, выкатившейся за пределы ВПП, не успевая затормозить, проламывали забор и превращались в груды искорванного металла. Там за пределами бетонной стены погибшие деревья хранят память об этих катастрофах.

–Товарищ, подполковник, радостно влетел на СКП, лейтенант-метеоролог Николай Травкин. Его румяное молодое лицо светилось радостью. – Есть погода, туман рассеивается, через полчаса можно начинать полеты!

– Спасибо, лейтенант, за хорошую новость! – подполковник Игнатов облегченное вздохнул. – Теперь можно докладывать начальству. Олег потянулся к трубке, но зуммер спецсвязи опередил его. «Легки на помине, порадуя штабистов!» – радостно подумал Олег и взял телефон. Хмурая гримаса тревоги сошла с лица, морщинки разгладились, щеки покрыл румянец. Впереди была напряженная, ответственная, но горячо любимая работа.

Разговор был непродолжительным, но потому как напряглись мускулы, и посерело лицо руководителя полетов, все собравшиеся на стартовом командном пункте поняли, что произошло что-то серьезное. Всматриваясь в лицо командира, офицеры пытались понять, причину перемены настроения их начальника, почему вдруг исчез задорный румянец руководителя полетов, почему потемнело лицо, превратившись в безжизненную маску, почему вдруг разом потухли глаза, еще недавно сияющие радостным блеском.

Положив телефон, подполковник ощутил неимоверную тяжесть во всем теле, предчувствие неминуемой беды щемящей тоской сдавило сердце, заставив его усиленно сокращаться, стало трудно дышать. С трудом взяв себя в руки, Игнатов приступил к работе. Звонил сам командарм, генерал – лейтенант Старинов, приказ был однозначным и требовал немедленного исполнения.

– Двойку и восьмерку в ангар, остальные самолеты зачехлить. Связаться с райцентром, предупредить больницу, пожарные и санитарные машины к полосе. У нас чрезвычайная ситуация. Полетам отбой!

Тревожное известие сделало всех мрачными и серьезными, даже у молоденького лейтенанта Травкина погас вечно играющий на щеках румянец. Штурман наведения майор Седов застыл, обхватив голову руками. «Как я их буду сажать? – лихорадочно думал он. – У меня нет возможности самолет проводить до самой полосы». Закончив все приготовления, Олег Игнатов бессильно опустился на стул, расстегнув ворот форменной рубашки. Потянулись минуты ожидания.

...Когда ожидание стало невыносимым, на горизонте появилось темное пятнышко, которое быстро росло, увеличивалось в размерах. Траектория полета небесного тела была почти отвесной, самолет падал вниз словно камень. Скорость подлета была огромной, воздушный корабль вырастал на глазах. Словно гигантская птица он помчался к взлетно-посадочной полосе. У всех присутствующих на СКП зашевелились волосы. «Катастрофы не избежать! Они

разобьются! Им ни за что не погасить эту безумную скорость!» – эта мысль одновременно пронзила умы всех присутствующих на командном пункте офицеров, которых трудно было обвинить в отсутствии хладнокровия, слишком многое они повидали на своем веку. Мучительное чувство беспомощности, захлестнуло их. Стремительно бежали секунды, приближая неотвратимое. А там, там за светящимися стеклами иллюминаторов огромного воздушного корабля были люди, много людей...

– 1-

08 августа 20.. года

В тусклом свете настольной лампы ординаторская казалась мрачной пещерой, в которую никогда не заглядывало солнце. В беспорядке разбросанные на столе книги, истории родов, канцелярские принадлежности в слабом свете лампы превращались в причудливые тени, которыми была изрисована вся стена. Когда за столом работали, старый разболтанный светильник колыбался, и вслед за ним начинали шевелиться тени, принимая самые неожиданные формы и размеры. Порой тени металась в бесформенном и хаотичном хороводе дикого, бессмысленного танца, порой замирали в нерешительности, чтобы через минуту снова продолжить свой бег по стене.

За столом, подперев руками голову, сидел человек, его пустой, ничего не выражающий взгляд подобно теням хаотично блуждал по стене, веки набухли, глаза подернулись темной пеленой, через которую не пробился бы самый яркий солнечный свет. Ему было чуть больше тридцати, но если сейчас кто-нибудь взглянул на его хмурое, отечное, со скованными мышцами, все изрезанное глубокими морщинами лицо, дал бы все восемьдесят. В тусклом свете лампы, которую давно уже надо было выбросить, лицо человека напоминало безжизненную маску, пугающе – отталкивающую маску смерти. А смерть была рядом, всего в нескольких десятках метров лежало завернутое в пеленки тельце умершего младенца. Он не был уродцем, страдающим тяжелой наследственной патологией, которая оправдала бы его гибель, напротив, погибший ребенок был хорошо сложен, пропорционален. Через некоторое время он превратился бы в прекрасного розовощекого бутуза, который радовал бы своих родителей. Глаза матери светились бы неземным счастьем, отца распирала бы гордость, – ведь это он сотворил такое чудо. Они вместе бы гуляли, радуясь тому, как подрастет их малыш. Первый зубик, первая улыбка, первый шаг, первое слово, первая любовь... Но ничего этого не будет. Хорошо если родители найдут в себе силы, чтобы снова пройти через все испытания и дать жизнь новому человеческому существу, но может случиться так, что распадется семья, и пойдут по свету два несчастных, неприкаянных человека.

От тяжелых мыслей Сергей поморщился, вновь жаром обдало лицо, задрожали руки, в груди разлился кипяток. Он вновь и вновь мысленно возвращался в родильный зал, шаг за шагом прокручивая недавние события, силясь понять, почему так произошло, что он сделал не так, почему он убил этого ребенка.

Как обычно в восемь часов утра Сергей Старинов, врач акушер-гинеколог небольшого родильного дома заступил на очередное суточное дежурство. Первая половина дня пробежала незаметно: обходы, выписка, заполнение историй родов – обычная каждодневная рутинная практика. После обеда стали поступать роженицы, которые к счастью быстро разрешились от беременности. К шести часам вечера родовые палаты опустели. Четверо родов за день по меркам небольшого акушерского отделения на тридцать коек это довольно много, обычно за сутки рожало не более двух, трех женщин.

Закончив все дела, Старинов с удовольствием прилег отдохнуть в ординаторской, предвкушая тихую, спокойную ночь. Он уже выполнил суточную норму по родам и надеялся на то, что больше желающих рожать не найдется. Трое родов за сутки – это считалось хорошим

показателем. Прошли те времена, когда в их акушерском отделении рожало по 6-8 женщин в день. В стране опутанной паутиной реформ семьям катастрофически не хватало денег, подавляющее большинство людей, балансируя на грани нищеты, едва сводя концы с концами, не спешило обзаводиться потомством.

Сергей очень устал, ему была нужна спокойная ночь, хотя бы шесть часов глубокого сна. Бесконечные дежурства в роддоме, работа в автомастерской измотали его. Летели дни, месяцы, годы, неотвратимо накапливалась усталость, которая давала о себе знать особенно по ночам. Он делал несколько попыток отказаться от сверхурочной работы, но тут же вмешивалось начальство. То, грозя карой господней, то суля манну небесную, оно добивалось своего, и врач продолжал вкалывать как проклятый. Начальников можно было понять – людей не хватало, молодежь в поисках лучшей доли обходила стороной бюджетные лечебные учреждения, предпочитая частную медицину, либо тихий офис торговой организации, где работа была спокойней, а платили намного больше. Следуя старомодным принципам, Сергей отказывался от платных услуг, за которые неплохо платили, особенно когда деньги плавно перекачивались из кармана пациента в карман врача, минуя бухгалтерию больницы, где оседала большая часть заработка. Но деньги были нужны, зарплата была не велика, даже работая на две ставки, он получал гроши. Подвернулся счастливый случай, Старинову повезло устроиться слесарем в автомастерскую, где его ценили, закрывали глаза на рваный беспорядочный график, связанный с дежурствами в больнице. Старого автохлама было много, он быстро набил руку и стал зарабатывать приличные деньги. В автомастерской не надо было идти на сделку с совестью, обирая несчастных больных, которые в силу заблуждения или обстоятельств вынуждены были выкладывать врачам крупные суммы, здесь не было несчастных женщин, которые в надежде на лучший исход, готовы были отдать последнее.

Жизнь наладилась, Сергей планомерно шел к своей цели, беда пришла оттуда, откуда он не ждал. Работая без отдыха, он надорвал организм, пришла усталость и связанные с этим проблемы. Вот и сейчас пытаюсь найти ответ на вопрос, как могло так случиться, что в родах погиб ребенок он не мог сконцентрироваться, в голове был полный хаос. Третья смерть новорожденного за полгода на его родах. «Доктор смерть» – так его теперь называет начальство. Он вспомнил недавний разговор с заместителем главного врача по лечебной работе Ниной Маевской. Четко и без обиняков ему было сказано: «у вас, доктор, руки, похоже, растут не из того места. Меня трясет, когда вы дежурите в родильном доме, когда вы там, я не нахожу себе места, с ужасом думаю, кого вы убьете с следующим раз. Видимо настало время расстаться. Вы очень обходительный доктор, можете хорошо ладить с пациентками. Как ни странно, на вас не поступило пока еще не одной жалобы. Переходите в женскую консультацию, там вы найдете себя, да и вреда от вас будет там меньше. Хорошенько подумайте над моими словами и сделайте правильные выводы».

Уйти он не мог, здесь была Елена – нераздельная любовь, его счастье и боль уже много лет. Врач педиатр – чистый, светлый человек, бесконечно дорогой и любимый. Ради нее он здесь, ради нее он пашет как проклятый, не спит ночами, горбиться под машинами.

В висках застучало, голова налилась свинцом, грудь сдавило, стало трудно дышать, мысли вновь закружились в диком хороводе: «а может права начальница, может дело не в усталости, а том, что он никудышный врач? «Доктор-смерть», который сеет вокруг себя разрушение и гибель. Не специально, но разве от этого легче матерям потерявшим детей, может он действительно недостоин того чтобы работать здесь, но самое страшное, – не достоин ЕЕ – врача от бога, которая вытаскивает детей буквально с того света? Не достоин ее любви и даже уважения? Как жаль, что Лена не дежурит сегодня, может, не было бы этой смерти? Да и мне было бы намного легче, зная, что она в соседней ординаторской».

Постепенно Сергей успокоился, нужно сделать запись в истории родов, а для этого четко и ясно разложить, расставить все по полочкам. Итак, в восемь вечера его вызвали в приемный

покой – на роды поступила очередная пациентка. «Счастливая ночь блаженного сна сорвалась», – с горечью подумал он тогда.

Роженицей оказалась восемнадцатилетняя женщина, у которой несколько часов назад начались схватки, небольшого росточка, хрупкого телосложения. Осмотрев пациентку, Сергей определил первый период родов, открытие матки было хорошим, поэтому как принято в этих случаях он вскрыл плодный пузырь. Расспросив подробно о болячках, он с легким сердцем отправился в ординаторскую, полагая, что пациентка в ближайшее время родит самостоятельно. Прошел час, другой, Старинов начал беспокоиться, почему его не зовут на роды. Спустившись в предродовую комнату, он вновь осмотрел беременную. Родовая деятельность не нарастала, матка не открывалась – процесс по какой – то причине застопорился. В таких случаях проводят стимуляцию матки – родоусиление специальным веществом, которое заставляет матку усиленно работать. Проверив еще раз состояние пациентки, состояние плода, прикинув его вес и еще раз оценив размеры таза женщины, от которых зависело, может ли вообще ребенок родиться естественным путем, Старинов с легким сердцем назначил окситоцин. Тягостно потянулось время, Сергей все больше нервничал, переживая за исход родов. Пациентка, напротив, вела себя спокойно, криками не досаждала, не напрягала просьбами акушерку.

Наконец настало время рожать, молодую женщину взяли на родовой стол, научили как себя вести, что делать. В родильном зале от женщины зависит практически все, если в первом периоде родов роженица не может повлиять на ситуацию, усилить или ослабить схватки, замедлить или наоборот ускорить раскрытие матки, чтобы дать дорогу плоду, то во втором периоде, когда наступает время выталкивать из себя, выстуживать ребенка, роженица должна выложиться по полной. Здесь уже очень мало или совсем не помогают лекарства, всевозможные стимуляторы родовой деятельности, стимуляторы матки, здесь беременная становится хозяйкой положения, выполняя подчас очень тяжелую физическую работу, работу, которую за нее больше никто не сделает. К великому сожалению, в потужном периоде, как и в первом периоде родов, недостатки, индивидуальные особенности организма роженицы дают о себе знать, только исправить все это намного труднее, слишком мал запас времени. У пациентки слабость родовой деятельности, возникшая в середине родового процесса, никуда не делась, более того, она неимоверно усилилась. Матка работала скверно, из рук вон плохо, окситоцин перестал действовать. Молодая женщина устала и морально и физически. Апатия, безразличие – самые страшные враги в этом периоде родов завладели роженицей. В довершение ко всему начал страдать ребенок – сердцебиение стало уменьшаться с каждой потугой все сильнее и сильнее. Чтобы ускорить роды и спасти погибающего малыша, юная женщина делала все что могла. Пот градом катил по ее лицу, в напряжении вздувалась шея, в отчаянном усилии глаза едва не вылезали из орбит, рвались сосуды склеры, превращая женщину в страшного вампира, но плод так и не сдвинулся с места. Единственным выходом, единственной возможностью ускорить роды и спасти малыша была операция по извлечению плода специальным инструментом. Время кесарева сечения было упущено, ребенок находился уже недалеко. Вот тут Сергей и сделал роковую ошибку. Он решил применить вакуум, чтобы лишний раз не травмировать пациентку грубыми акушерскими щипцами, которые способны разорвать мягкие ткани родовых путей этой хрупкой, миниатюрной девочки. Вакуум – экстрактор – это инструмент, который напоминает резиновую грушу, разрезанную пополам. Это мягкая присоска, которая вводится в родовые пути и присасывается к головке плода благодаря созданию отрицательного давления. Потягивая за инструмент, можно вытащить ребенка из родовых путей не травмируя мягкие ткани, не нанося вреда плоду. Но присоска срывалась, едва Старинов начинал тянуть. Он пробовал разные варианты: усиливал вакуум, менял положение инструмента, но все было напрасно.

– Сергей Михайлович, сердца нет, быстрее, пожалуйста! – крикнула Наталья Васильевна, врач неонатолог, вместе с ним присутствующая на родах. Сергей опомнился, занимаясь извле-

чением плода, он потерял счет времени. Пытаясь ускорить роды, он их затягивал. В родильном зале повеяло холодом, все застыли в напряженном ожидании, монитор, следящий за сердцебиением плода, молчал. Надо было принимать решение.

– Акушерские щипцы, быстро! – скомандовал он акушерке.

На правильную установку щипцов, на тракции, которые помогли родиться малышу, ушло дополнительное время. Когда на пеленальный стол легло бездыханное, синюшное тельце младенца с безжизненно свисающей головкой, Старинов понял, что опоздал. Врачу педиатру все – таки удалось совершить невозможное – ценой невероятных усилий запустить сердце новорожденного. Все вздохнули с облегчением, но радость была преждевременной – через час малыша не стало.

«Если бы я сразу наложил щипцы, то ребенок мог бы выжить. Сослагательное наклонение, кто может знать, как было бы! – с горечью подумал Сергей. – Может быть, вообще не надо было бы пускать эту бедную девочку в самостоятельные роды, а сделать кесарево сечение. Ведь показания к операции всегда можно найти: слабость родовой деятельности, крупный плод (никогда точно не знаешь вес плода до рождения, все формулы расчета, а порой данные ультразвукового обследования дают приблизительные показатели), узкий таз. У женщин небольшого роста чаще бывают проблемы с размерами таза. Да многое чего еще можно найти, чтобы облегчить себе жизнь. И не важно, что риск смерти женщины от операции в десять раз выше риска гибели при самостоятельных родах, не важно, что останется рубец на матке, а в животе – спаечный процесс. Ребенок в любом случае будет жив, а победителя не судят. И твоя совесть – чиста, как первый снег. При естественных родах риск кислородного голодания плода будет всегда, найдется неучтенный, не просчитанный момент, который даст о себе знать в самый неподходящий момент. Естественный отбор, будь он не ладен, пока еще никто отменить не в силах. На любом этапе – беременность, роды, первые часы, жизни природы испытывает человеческое существо на прочность, как бы спрашивая: достоин ли ты жизни на этой беспокойной земле? И если видит хоть малейшую слабость, без угрызений совести убивает. Но это философия, а сейчас мне надо идти к матери, смотреть ей в глаза и говорить о гибели ребенка. Придется что – то говорить в свое оправдание, искать подходящие слова, ссылаться на трудный случай и бог весть на что, прекрасно понимая, что виноват, виноват миллион раз. Ты вел роды, тебе доверила женщина свою жизнь и жизнь ребенка, а ты не справился. Не важно, по какой причине, этой молодой матери нет до этого никакого дела, она пришла к тебе за ребенком, за помощью, а ты этого ребенка убил»

Стук в дверь прервал горькие размышления врача.

– Сергей Владимирович, к вам можно? Врач педиатр-неонатолог, вместе со Стариновым дежурившая в родильном доме, решительно открыла дверь в ординаторскую.

– Входите, Наталья Васильевна!

– Сережа, – начал она разговор, – не расстраивайся, пожалуйста, я понимаю, что ты хотел как лучше. Понятно, что вакуум всегда лучше щипцов: и ребенок меньше травмируется, и женщина. Новорожденного я внимательно осмотрела, какой либо патологии не обнаружила. Мне не понятна причина такого резкого и сильного кислородного голодания. Ребенок на 3500, – средний вес, нет обвитая пуповиной, нормальная плацента. Почему?

– У меня нет ответа, и причины нет, кроме упущенного времени.

– Причина есть всегда, не у всех же плодов в потужном периоде останавливается сердце.

– Боюсь, Наталья Васильевна в этом случае причину мы не найдем. Да и зачем искать? Все и так понятно! Врач промедлил, несвоевременно оказал помощь. Думаю, меня вообще обвинят в том, что я ошибочно пустил ее в самостоятельные роды, вместо того, чтобы сделать кесарево сечение. Вы ведь прекрасно знаете, как у нас говорят: у акушера, ведущего роды два пути. Один правильный, а другой – тот, который он выбрал. Постфактум, всегда можно сказать, что твоя тактика не верна, результат то известен. Поэтому заключение летальной комиссии

будет не в мою пользу, да и поделом. Третий случай гибели ребенка на моих родах. Что-то не так. Пора видимо уходить самому, пока не выгнали по статье.

– А мне тоже уходить? Целый час новорожденный жил, получается, что именно я его не спасла! Давай все уйдем, пусть остаются только «светилы», только таланты, только гении! Только много ли их? Да и у гения, пожалуй, в шкафу тоже скелеты найдутся. Я убеждена, медицина, держится на обычных средне – статистических врачах, которые из дня в день делают свое дело, порой ошибаются, порой побеждают, вырывая чью-то жизнь из цепких лап смерти. А гениев очень мало – единицы, а таких как мы с тобой – легион. Как бы я хотела быть талантливой, даже гениальной, как я бы хотела спасти этого малыша, других, которых потеряла за годы работы. Как Елена Викторовна, ей нет еще тридцати, опыт работы невелик. Но она спасает самых безнадежных, у нее еще ни один ребенок не умер. Я не знаю, как ей это удастся. А нам с тобой надо учиться на своих трагических ошибках, работать, накапливая опыт, знания. Уйти проще всего, пускай другие едят этот горький хлеб! Тебе сейчас тяжело, – черная полоса, но поверь, жизнь перевернет страничку, все наладится, надо только не опускать руки. А уходить, я бы сказала – постыдно бежать после неудач – это как -то не по-мужски. Стыдно. Будут ругать, пусть ругают, у начальства такая работа – собачья работа. Я сама такая – натяжусь, наругаюсь, вся изойду злобой на подчиненных, а потом приду домой – от стыда реветь хочется. Ты должен понять простую истину. Почти каждый человек стремиться быть начальником – это заложено природой. У вожака стаи больше шансов выжить, вся добыча достается ему. В человеческом обществе все – то же самое, все те же устремления – вечная, ненасытная жажда власти и материальных благ, в основе которых лежат древние инстинкты, только теперь они направлены не на выживание, а на получение удовольствия, наслаждения. Ведь так приятно помыкать ближним, чувствовать его зависимость от тебя, впитывать его раболепие, преклонение перед тобой, а если это – море людей, то наслаждение усиливается многократно. Но и опять же деньги. Сейчас нет строгих правил и каждый начальник стремиться львиную долю добычи присвоить себе, а подчиненным кинуть кости, объедки с барского стола, чтоб только с голоду не подошли. Правда в этой благодати есть одно слабое место, ложка дегтя в бочке меда – у каждого начальника есть свой начальник, которому тоже жутко нравится обирать и унижать ниже стоящих. Вот так и живут начальники всех мастей и рангов: раболепствуют, унижаются перед сильным, обворовывают, ломают слабого. Если взять твой случай, Сережа, то мы имеем крайне неприятную картину в рамках нашей больницы. Умершие дети портят статистику, ухудшают показатели работы. Высокое начальство крайне недовольно. А это значит, что главный врач, его заместитель не получают очередную премию, но что самое страшное – потеряют доверие своих покровителей. Это риск оказаться не удел, потерять власть и деньги. Получается, Сергей, что фактически ты ограбил своих начальников, вытащил деньги из их кармана, попутно увеличил риск потерять хлебную должность. Такое не прощается. Поэтому они сделают все, чтобы от тебя избавиться в надежде, что другие будут работать лучше. Иногда это действительно срабатывает, иногда все возвращается на круги своя, ибо *egare humanum est* – человеку свойственно ошибаться.

Сергей промолчал, в словах Натальи Васильевны – заведующей педиатрических отделением, врача с многолетним опытом работы была доля истины.

– Сергей, – продолжила Наталья Васильевна. – Не глупи, возьми себя в руки, на тебя страшно смотреть. Пожалуй, я сама поговорю с пациенткой, сама ей все скажу. В таком состоянии тебе лучше к ней не ходить.

Сергей с благодарностью кивнул, вновь взявшись за описание истории родов.

Когда Старинов закончил заполнение истории родов, было далеко за полночь, спать не хотелось, чувство вины сверлило мозг, тугим обручем сдавливало грудь, лицо пылало жаром. Включив верхний свет в ординаторской, он подошел к раковине, умылся ледяной водой. Поймав свое отражение в зеркале, он совсем не удивился – на него смотрел бледный, измученный

старикан, с потухшими глазами и бессмысленным взглядом. Разве о такой жизни он мечтал? Разве он думал тогда, когда выбирал профессию, что его ждет такая боль? Бездарь, тупая скотина, безмозглый урод! А может быть, просто он занимается не своим делом? Ведь не зря же он сразу помчался в Москву два месяца назад, едва получив письмо друга детства? Значит, сомневается он неспроста, настало время что-то кардинально менять. Сергей подошел к окну, отдернул занавесь. Город спал, слепой чернотой смотрели на мир глазницы домов, размытыми силуэтами застыли деревья, мрачной бездной разверзлось небо. В бездонной глубине плыли звезды, их холодный равнодушный блеск не вызывал былого смутения в душе врача. Когда – то Старинов любил эти тихие ночные часы, когда застывало время, и суетный мир накрывала пелена сна. Теперь же он видел вокруг один беспросветный мрак, тоску и безысходность. Привычно скользнув равнодушным взглядом по знакомым созвездиям, Сергей неожиданно увидел мигающий маленький огонек, который довольно быстро плыл по темному своду неба. ОВИ – огни высокой интенсивности пассажирского самолета яркими маячками расцвечивали необъятное пространство небесного купола. Где-то там, в безмерной дали, высоко над землей плыл маленький самолетик, крохотная частичка этого огромного мира, неведомые люди на его борту спешили по своим неотложным делам. Что заставило их в эту ночь отправиться в дальнее путешествие? Кого-то ждала работа, кто-то решил посетить дальние неведомые страны, а кто-то спешил навстречу своей судьбе, к любимой женщине, которая ожидала скитальца за праздничным столом. Внезапно до дрожи в коленях, Сергею захотелось вновь оказаться там, в бескрайнем небе, среди мира звезд и тишины, в кабине сверхзвукового истребителя, как много лет назад. Радостно забилося сердце, щемящая тоска отпустила, память вернула Сергея в далекую юность.

– 2 –

Январь 19..

Начало нового 19.. года ознаменовалось редчайшими для Сибири морозами, термометры зашкаливали, народ приуныл, стараясь не выходить из дома без крайней на то необходимости. Даже всепогодная городошная ребятня не решалась выйти на улицу, предпочитая отсиживаться в тепле, несмотря на каникулы. Но синоптические сводки были неутешительны – в ближайшие две недели потепления не ожидалось.

Военный городок, где базировалась крупное авиационное подразделение, несмотря на суровые погодные условия, продолжал жить привычной боевой работой. Полеты продолжались и днем и ночью. Особенно тяжело приходилось авиатехникам, которые работали сутки напролет на этом страшном морозе – обморожения стали спутником их повседневного труда, но и другим воинским подразделениям приходилось не сладко – чего стоило поддерживать в работоспособном состоянии автомашины, двигатели которых категорически отказывались работать на таком холоде. А военные автомобили – это и перевозка грузов, и заправка топливом самолетов, и очистка аэродрома. Но люди продолжали работать – от них зависела судьба страны, ведь рядом была граница и потенциальный враг.

Десятиклассников, которых через полгода ждали выпускные экзамены, такая непогода даже радовала – почти две недели зимних каникул можно было целиком и полностью посвятить учебе, не отвлекаясь на уличные забавы. Сережа Старинов, у которого были серьезные проблемы с русским языком и литературой из-за частых переездов и бесконечной смены школ пытался наверстать упущенное, просиживая целыми днями за учебниками. В начале января, в самый разгар каникул и трескучих морозов вернулся из длительной командировки отец Сергея – полковник Владимир Старинов. Он был начальником авиабазы – места базирования полка, вот-вот должен был получить генеральское звание и более крупное авиационное подразделение под свое командование. Семья стала готовиться к очередному переезду, который планировался

через полгода. Как-то утром отец вызвал юношу на кухню и спросил о планах на будущее. О чем мог думать мальчишка, ничего не видевший кроме колючей проволоки военного городка, быт и распорядок которого уже въелся в кровь? Гул самолетов, день и ночь сопровождавший его жизнь стал привычным атрибутом быта. Тревоги, построения, постоянное отсутствие отца, казармы и простая солдатская еда, запретная территория аэродрома, куда вездесущие пацаны все – таки проникали тайными тропами, свалка мертвых самолетов, с остатками настоящих пилотских кабин, где впервые Сережа ощутил романтику летной профессии – все это было его жизнью, другой просто не было. Сказать, что Сергей фанатично мечтал о небе, как иные мальчишки, начитавшись книжек про летчиков, было нельзя. Он просто не видел альтернативы и не хотел менять привычный уклад жизни.

– Отец, я, как и ты буду летчиком, может даже военно-морским, если мне дадут направление в Ейск, сказал он тогда отцу.

– Хорошо, я так и думал. Завтра ты отправляешься в окружной военный госпиталь, на ВЛЭК – врачебную комиссию, я договорился. Там ты пробудешь три недели. В школу с зимних каникул немного опоздаешь, я хочу быть уверенным в твоём здоровье. Сергей удивился немного странной просьбе отца, но перечить не стал. Он уже прошел медицинскую комиссию в военкомате, а при поступлении в училище его ждал еще более строгий врачебный отбор. «Если отец настаивает, комиссию можно пройти и раньше», – спокойно подумал Сергей и на следующий день отправился военный госпиталь.

Три недели, проведенные в больнице, молодой человек вспоминал с ужасом и восторгом одновременно. Бесконечные осмотры, анализы, тесты. Врачи осмотрели буквально все, заглянули во все уголки его организма. Барокамера, качели Хилова, психологические тесты, рентген, ЭЭГ, ЭКГ, ... В конце месяца Сергей не чаял уже как унести ноги. И в тоже время в госпитале ему нравилось, юноша впервые попал в лечебное учреждение такого высокого уровня. Белые халаты, накрахмаленные шапочки, красивые, гордые медсестры, недостижимые врачи, большие похожие на небожителей, чем на простых смертных, с их таинственным латинским языком и мудреными названиями болезней – все это вызывало неподдельный интерес у неискушенного юноши. Перед Сергеем открылся совершенно незнакомый для него мир, доселе неведомый, таинственный и привлекательный, где обычные с виду люди творили настоящее волшебство, где прозревали слепые, безногие начинали ходить, а умирающие вновь возвращались к жизни. Стерильная белизна палат и лабораторий прекрасно гармонировала с пушистым белым снегом за окном госпиталя, таким же чистым и непорочным, какими были люди, работающие в этом таинственном мире. Перед самой выпиской, к нему в палату заглянул веселый старикан, – профессор и начальник госпиталя, как потом выяснил молодой человек.

– Что ж юноша, мы не нашли в вашем теле и душе и никаких изъянов, с сарказмом проговорил он, особо упирая на душу (видимо современная молодежь ему не очень нравилась). Так что собирайте вещички и завтра домой, в школу. К летной работе вы годны без ограничений, так что держайте, юноша. И, уже прощаясь, задержав руку в руке Сергея, тихо сказал: Сережа, передайте привет отцу – он мой старый боевой друг. Я очень рад, что ты собираешься пойти по его стопам. Может, еще увидимся, авиация и медицина – две неразлучницы, все время рядышком.

Сразу после возвращения домой, Сергея ждало радостное и необычное известие – отец обещал научить его летать. Это было так неожиданно, что молодой человек растерялся.

«Неужели через несколько месяцев он поднимет в небо современный истребитель!? – не мог он поверить такому счастью.

– Лучше отца тебя не научит ни один инструктор – сказал он сыну. Из моего выпуска в сто семьдесят человек, пятьдесят уже в могиле, а в их личном деле в конце одно единственное слово – погиб. Ушли мои однокашники из жизни не на войне, а в вполне мирное время.

«... Нет не божия кара, не разгневанный бес,

Слабость крыльев Икаров низвергала с небес!.. » продекламировал полковник Старинов свое любимое стихотворение талантливого инженера-поэта, опубликованного в молодежном журнале несколько лет назад. Мои друзья разбились из-за грубого нарушения техники пилотирования в большинстве своем в первые два года после училища. Им не хватило, опыта, знаний, умений. Не всегда программы подготовки будущих пилотов учитывают индивидуальные особенности человека, а тех часов, которые отводятся на освоение техники пилотирования, не всегда хватает для выработки хороших навыков управления самолетом. Да и летчики – инструкторы – люди разные, не всегда могут передать тот опыт, которым владеют сами. Поэтому, Сергей, будешь осваивать под моим руководством старый истребитель – перехватчик, грозу летчиков Су-17. Это очень сложный в управлении самолет, особенно при посадке. Если ты на нем научишься летать, а самое главное садится в наш котел, я буду за тебя спокоен и не стану возражать, чтобы ты стал военно-морским летчиком, который должен ювелирно садиться на палубу раскачивающегося авианосца. Не освоишь «Сушку» – вряд ли я тебе разрешу поступать вообще в летное училище. На том и порешили. Мать для приличия, конечно, поворчала, а потом сдалась – она была настоящей женой летчика. Конечно, все это было нарушением всех мыслимых и не мыслимых инструкций. Допуск к полету на боевом истребителе гражданского лица, к тому же не прошедшего специальную летную подготовку – это было далеко за рамками дозволенного. Но надо было знать Старинова старшего. Кремень, без пяти минут комдив, железная воля, жуткий характер, он держал полк в ежовых рукавицах, любые нарушения дисциплины карались нещадно, но зато к своим подчиненным относился как отец, особенно это касалось быта. Сергей помнил, как они всей семьей в течение трех месяцев вынуждены были жить при штабе, в какой-то комнате – каморке без элементарных удобств. Отец отдал свою трех комнатную квартиру молодому офицеру – технику самолетов, который приехал в городок с двумя маленьким детьми, больной женой и престарелой тещей. Мать безропотно выдержала этот не простой марафон в жутких бытовых условиях, не дала повода для сплетен, и досужих обсуждений семьи командира, коими не брезговала женская половина военного городка, для которой сплетни были, пожалуй, единственным развлечением в их оторванной от всего мира и лишенной многих бытовых удобств местности. Но не стоит их слишком строго судить за это. Трудная доля у жен военных, тяготы и лишения походной жизни они делят со своими мужьями и такая же незавидная участь и у детей военнослужащих – бесконечные переезды, новые школы, часто расположенные за десятки километров от дома. Отсюда плохая успеваемость, непрочные знания.

Детей, которые жили на территории военного городка в школу часто отвозил старый расхристанный автобус, который постоянно ломался, и Сереже не раз приходилось мерзнуть до посинения вместе с такими же бедолагами, добираясь домой пешком в лютый мороз.

Все проблемы офицерских детей отец Сергея хорошо знал и по мере сил пытался их решить. Не раз ему приходилось убеждать начальников всех рангов и мастей о необходимости улучшения бытовых условий семей военнослужащих, проживающих в военном городке. «Наши дети – это наша смена, причем смена уже закаленная невзгодами и трудностями, которая не побоится лишений воинской службы и не сбежит при первой возможности – не раз говорил он. – Дети военных – это особый контингент, который уже служит, вместе с отцами защищает отчизну. Пусть они малы, и их маленькие ручонки еще не могут держать автомат, их ноги еще не доросли до педалей боевой машины, а их слабые тела не закалены сражениями и битвами. Но они вместе с нами – офицерами и прапорщиками тянут непростую военную лямку, преодолевают трудности и невзгоды, деля со своими родителями тяжелый военный быт. Конечно, они не бегают по тревоге, часами не маршируют на плацу в холод и зной, не поднимают в небо многотонные крылатые машины, но этого и не требуется от этих маленьких людей. У каждого из них свой Эверест, свой бой и свои трудности. Также как их матери они с замиранием сердца прислушиваются к вою самолетов, – не вторгся ли какой – то диссонанс в

этот ровный гул, не случилось ли сегодня какой-то беды, вместе с матерями они с нетерпением ждут возвращения отцов со службы. И для самих офицеров крайне важно, чтобы их ждали дома, ведь Родина для большинства моих подчиненных начинается с семьи, и защищают они, прежде всего своих детей, жен, матерей. Поэтому очень важно создать в городке приемлемые условия жизни, чтобы семьи военных не распались, ребяташки спокойно учились, а их отцы достойно служили».

Слова командира полка никогда не расходились с делами. Полковник Старинов, опять же, в нарушение правил и инструкций устраивал целые экскурсии на аэродром и даже создал целый музей, где было выставлено много интересных образцов военного снаряжения и техники. «Какая к черту секретность! – кричал он на очередного проверяющего, которому наступали «доброжелатели» – На экскурсии ходят наши дети, которые не меньше нашего знают о военной тайне и еще неизвестно, кто быстрее расколется, если не дай бог попадет к врагу – мужик, который присягал родине или маленький человечек, который будет защищать секретно своего отца». Полковник Старинов был убежден, что дети военнотружущих, как нельзя лучше приспособлены к воинской службе, что именно из них получаются настоящие офицеры. А дочери военных – этот будущие верные и надежные жены. Этим закаленным девчонкам не страшен суровый армейский быт, частые переезды, отсутствие благ цивилизации. Их мамы – жены военных уже многому научили своих дочерей. Но самое главное, эти юные создания умеют ждать и терпеть, а без этих качеств не может быть хорошей офицерской жены.

Выпускников школы, перед которыми стоял выбор дальнейшего жизненного пути уже не просто водили на экскурсии на аэродром или в музей боевой техники, их подробно знакомили с военной службой, помогая сделать правильный выбор будущей профессии. Юношам и девушкам разрешалось сидеть в самолетах и даже запускать двигатели. Самым целеустремленным, кто хотел связать жизнь с небом, с авиацией, как друг Сергея Саша Коваленко, после медосмотра, отец разрешал сделать несколько вылетов на учебно – тренировочном истребителе «Миг – 21» вместе с опытным летчиком. Вот таким командиром был полковник ВВС Владимир Харитонович Старинов.

В конце марта после изнурительных занятий на тренажере, основательного изучения материальной части самолета, аэродинамики, метеорологии, навигации Сергей вместе с отцом впервые поднялся в небо на истребителе – перехватчике «СУ-17» разработки конструкторского бюро Сухого. Это был очень сложный в управлении самолет, практически не прощавший ошибок в пилотировании, особенно, при посадке. Летчику во время приземления приходилось совершать невероятное количество сложных действий, точно согласовывать все показания приборов, четко следить за оборотами двигателя, особенно при заходе на их непростой аэродром, со всех сторон окруженный сопками.

Многотонная машина стремительно и легко оторвалась от бетонной полосы и почти вертикально взмыла вверх. Невероятная тяжесть вдавила Сергея в кресло, стало трудно дышать. Отец взлетел на форсаже, чтобы Сергей сразу почувствовал все «прелести» непростой летной работы. Некоторое время они шли в «молоке» – серая пелена туч на несколько километров простиралась вверх, но зато, когда самолет вырвался из плена мрачного тумана, необыкновенно яркое солнце на безбрежном лазурно-синем небе ударило своими мощными лучами в пилотскую кабину, и у Сергея от восторга замерло сердце. Конечно, он много раз летал на гражданских самолетах, когда часами под крылом самолета плыли белыми барашками нескончаемые облака, больше похожие на необычный серо-белый ковер, который постепенно вызывал скуку и утомление. В полете на сверхзвуковом истребителе были совершенно другие ощущения.

– Бери управление, сын, но помни, что это не тренажер – приказал отец. Сергей крепко взялся за твердую ручку-штурвал, мало похожую на те, которые показывают по телевизору и в кино, вмиг почувствовав исполинскую мощь воздушного корабля. « Я лечу, лечу, лечу – как птица, и эта махина подвластна мне!» – юноша не мог сдержать эмоций. Ему хотелось кричать,

смеяться, петь, все его существо переполнял дикий восторг. Истребитель послушно следовал его командам, и молодой человек ощущал себя настоящим властелином. Полет был недолог, Сергей сделал две «горки» и разворот, но на всю оставшуюся жизнь в душе молодого парня поселилось доселе незнакомое чувство – чувство причастности к чему-то необыкновенному, своего рода тайне, которое захватило все его существо без остатка. Это волшебство длилось всего несколько минут, но память сохранила это необыкновенный миг единения с небом на долгие годы.

Потом были новые полеты, тяжелый и порой опасный труд. Через четыре месяца курс обучения закончился, и Сергей начал пилотировать «Су-17» самостоятельно, оставаясь с небом один на один, за спиной уже не было отца, который мог подправить, подсказать и вовремя исправить ошибку. Постепенно бурные восторги и страсти стали улетучиваться, управлением воздушным кораблем превратилось в напряженную работу, где ошибки были недопустимы. Юноша перестал замечать красоты небес, сосредоточившись на приборах, стрелках и индикаторах, от которых теперь зависела его жизнь. Порой он ощущал себя не летчиком, а каким-то роботом-манипулятором, который должен нажимать определенные кнопки, дергать за рычаги в строго определенной последовательности, при этом еще внимательно следить за показателями невообразимого количества шкал и циферблатов, от обилия которых кабина самолета буквально лопалась. Нервное и физическое напряжение, перегрузки совсем не оставляли место романтики, а мокрая от пота спина и невероятное чувство усталости стали постоянными спутниками. Осознание происходящего, радость от хорошо выполненной работы приходили уже на земле, когда Сергей ловил на себе завистливо восхищенные взгляды молодых офицеров – пилотов. Чего скрывать, отец натаскал своего сына так, что он пилотировал «сушку» не хуже строевых летчиков. На робкие, а порой наглые заявления недоброжелателей о недопустимости подобных вещей в полку, Старинов – старший твердо заявлял: «я готовлю офицера – летчика, который будет надежно защищать родину. Как отец, я не хочу, чтобы мой сын разбился, и пока я в строю, сыну передам весь опыт и знания. Как командир полка я делаю все возможное для поддержания высокой боеготовности, летчики моего полка лучшие в «корпусе», а может быть и в «армии». Начальству нечего было возразить, полк был действительно лучшим, да еще особым, который постоянно держал на карандаше министр обороны. Поэтому обучение Сергея продолжались вплоть до начала экзаменов в школе. Но в летное училище Сергей так и не попал. В конце июня в полку произошло ЧП, в дьявольской котловине разбился пилот. Был сильный туман, который внезапно накрыл аэродром. Такое нередко случается в Сибири. Старший лейтенант Соловский, уже довольно опытный летчик при заходе допустил ошибку – перелет. Полосы не хватило, и перехватчик неуклюже плюхнулся в самом ее конце, подломив при посадке переднюю стойку шасси. Не погасив скорость, самолет врезался в бетонный забор. Сергей был все это время на СКП – стартовом командном пункте, наблюдая за полетами. Как ошалелый он побежал к месту трагедии. Пилоту повезло – пожара удалось избежать, потому что топливо было все выработано. Вместе с подоспевшим врачом, который одним из первых прибыл на место катастрофы, они достали из под обломков самолета тяжело раненого летчика, затем погрузив безжизненное тело в машину, помчались в больницу, которая находилась в десяти километрах от аэродрома. Юра умирал на глазах, кровь, не переставая, сочилась из многочисленных ран, но особенно досталось голове. Иван Семенович, полковой врач, дежуривший в этот день на полетах, диагностировал у летчика перелом свода черепа. По его словам, парень был не жилец. Пилот был без сознания, но все равно ощущал боль. При каждом толчке немилосердного УАЗика он вертел головой, как будто хотел отчего-то освободиться. Несколько дней назад к Юре приезжала мама, она навезла целую гору вкусностей, а еще больше наготовила. Молодой летчик созвал своих друзей в гости, в числе приглашенных был и Сергей. В тот вечер они объелись до умопомрачения, а потом танцевали до утра, – Старинов пригласил своих одноклассниц. Юра был весел и беспечен, без усталости танцевал, расска-

зывал анекдоты, ухаживал за девушками – ничего не предвещало такой трагедии. Вечеринка закончилась под утро, Сережа уходил последним, он остался, чтобы помочь другу привести офицерскую комнату в общежитии в порядок. Уже прощаясь, глядя на веселое лицо молодого парня, Сергей не мог даже представить, что через несколько дней ему придется вытаскивать этого парня с того света.

Глядя сейчас в безжизненное лицо товарища, у Сергея вновь в тоске сжалось сердце: «Неужели умрет, а мама уже уехала?» На очередной колдобине «санитарку» довольно сильно встряхнуло, сразу после этого Юрий дернулся и затих, перестав дышать. Иван Семенович спокойно сказал, как будто только и ждал этого момента: «остановка сердца и дыхания, работаем! Сережа помогай, одному мне не справиться!» Военврач объяснил молодому человеку, что надо делать. Реанимация! Впервые в жизни вместе Сережа Старинов пытался вырвать из страшных объятий смерти погибающего человека – молодого парня, впереди у которого была вся жизнь. Пройдут годы, и Сергею вновь и вновь придется вступать в схватку со смертью, это станет его профессией и каждодневной работой, а пока – стремительно неслись минуты, словно время сошло с ума. Закрытый массаж сердца, искусственное дыхание, дефибрилляция, море уколов. Уже невообразимо длинная игла с адреналином вошла в самое сердце Юрия, но оно продолжало упрямо молчать, все попытки запустить безжизненное, обескровленное сердце, потерявшее связь с поврежденным мозгом оказались безрезультатны. Юра Соловский не хотел возвращаться к жизни. И тогда Иван Семенович решился на крайнюю меру, острым, как бритва скальпелем он молниеносным и точным движением вспорол грудную клетку умирающего летчика, раздвинул ребра, ввел руку в рану и принялся массировать теперь уже открытое сердце. Минута, другая и сердце оживо, сначала сокращения были редкими и не согласованными, а затем оно весело застучало, разгоняя по сосудам застоявшуюся кровь. Все облегченно вздохнули.

В больнице, после того, как хирурги вскрыли череп пилота и убрали кровь, которая сдавливала мозг, они, покачав седыми головами, удивились, как этого парня довели живым. Несколько месяцев лейтенант Соловский находился между жизнью и смертью. Пришел в сознание он в первый день осени, когда усталая природа начинает готовиться к длинному зимнему сну, когда деревья сверкают великолепными нарядами из разноцветных листьев. Это случилось в тот день, когда его мама, седая, худенькая старушка, не отходившая от сына целыми днями и ночами, уже совсем потеряла надежду, и теперь, глядя в широко распахнутые глаза Юрия, тихо плакала, роняя горячие соленые капли на застиранное казенное покрывало. Старший лейтенант Соловский выжил, но тот полет был последним, врачи списали его с летной работы. Вместе с матерью он вернулся в свои родные края, в жаркий Краснодар, где нашел свое счастье – жену Ирину, которая родила ему двоих сыновей и хорошую работу на местном заводе.

Эти события изменили судьбу Сергея Старинова, он отказался от профессии военного летчика, решив поступать в медицинский институт, чтобы быть хоть немного похожим на своего кумира – Ивана Семеновича Зорина, доктора милостью божьей, ставшего для Старинова эталоном настоящего врача и человека.

Далекий, живой огонек погас, самолет затерялся во тьме, и небо вновь стало холодным и безжизненным. Вместе с ушедшим за горизонт лайнером, растворились в бесконечном беге времени воспоминания юности. Пролетели годы, доктор Зорин давно вышел в отставку и теперь работает главным врачом центральной районной больницы, неподалеку от прежнего места воинской службы. Они уже много лет переписываются, Сергей не скрывает от своего наставника проблемы и жизненные невзгоды. В своем последнем письме к доктору, Сергей подробно рассказал о гибели детей на его родах, о своих сомнениях стоит ли работать дальше. Ответ Ивана Семеновича удивил Сергея. Он писал, что считал и считает Сергея талантливым и способным врачом, что неудачи – это спутники их профессии, но если появились сомнения в

правильности выбранного пути, значит настало время кардинальных перемен. Зорин советовал уйти из медицины. «Может быть, пора перестать обманывать себя и признать, что ошибся с выбором профессии?» – грустно подумал Сергей.

Уже очень давно, глядя в бездонное небо, Старинова охватывает печаль, а предательская влага застит глаза...

«Это был или небыль, словно жажда любви,
Жажда вечная неба в человеческой крови...»

-3-

25 августа 20.. года

Третья декада августа, бездонное голубое небо, яркое неунывающее солнце. Весь мир наполнен теплом, радостью и весельем. В бездонной синеве щебечут птицы, деловито жужжат пчелы, стрекочут в густой траве кузнечики, утопают в нарядной зеленой листве деревья, разнося ароматы свежести и чистоты. Кругом торжество жизни и постоянное ощущение праздника. Кажется, что в этом мире нет места смерти, горю, печали и разлукам.

Счастье и праздник. Как мало для этого надо! Всего лишь потерять память! Забыть, стереть все то, что накопилось за долгие годы. Оставить то небольшое, что помогает ощутить нежное тепло солнца, так ласково обнимающего тело, насладиться трелями птиц, ласкающими слух, тихим шепотом листвы, убаюкивающим и спокойным, почувствовать тонкий аромат растений и вкус только что сорванных спелых ягод... Но разве можно это сделать?

Медленно, едва переступая ноги, Сергей шел домой. От работы в роддоме его временно отстранили, в автомастерской сегодня никто не ждал. Впервые за долгие годы у него появилось время. Душевная боль притупилась, рвущее сердце чувство вины немного притихло. Пришло иное, более страшное – безразличие. Ничего не хотелось, жизнь потеряла свою остроту и привлекательность. Тупик, безысходность, отсутствие смысла во всем. Отделался он очень легко: несмотря на полное признание вины на летальной комиссии, публичной порки и унижения, его решили не увольнять, даже оставить на прежней работе с условием пройти курсы усовершенствования. Впереди была долгая дорога и длительная командировка. Это и к лучшему, у него будет время подумать и принять какое-то решение. Хуже всего обстояли его личные дела. Лена также как и он собиралась в дорогу, только уезжала она к своему жениху, куда-то в сибирскую глушь. Сергей предвидел это очень давно, ведь не может столько лет оставаться одна такая красивая девушка. В этом городе она ни с кем не встречалась, это он знал точно. Но далекую любовь он проглядел и теперь ничего нельзя изменить.

Елена Дмитриевна Корина – врач педиатр, его радость, счастье и боль. Кажется, прошла целая вечность с того времени, когда они познакомились, когда впервые молоденькая практикантка, только что окончившая медицинский институт переступила порог родильного дома. Сергей, к этому времени уже несколько лет проработал врачом акушером – гинекологом, успешно окончив институт. На всю жизнь он запомнил тот теплый июльский день, когда они, три молодых врача: анестезиолог, педиатр и акушер – гинеколог стояли на крыльце родильного дома и самозабвенно курили забористую моршанскую «приму». Они сдружились еще в интернатуре, когда на практике постигали тайны медицины, учились врачевать, добивались первых успехов и делали массу ошибок. Все они были неженаты и жили в предвкушении любви, в предвкушении встречи с той единственной, которая станет их судьбой, их верной подругой на всю жизнь. Говорили о многом: о женщинах, о политике, о зарплате, травили анекдоты, но разговор, то и дело сворачивал на привычную тему: обсуждали интересные случаи из медицинской практики, хвалились успехами, строили планы на будущее, мечтая достичь совершенства в выбранной профессии.

Незнакомка появилась внезапно, словно материализовалась из пустоты. Молодые люди, как по команде, раскрыв рты от изумления, уставились на девушку. Это была богиня. Узкая талия, красиво очерченные бедра, небольшие округлые плечи, великолепная грудь – такое сочетание способно вывести из равновесия любого мужчину. Юная дева шла упругой походкой, в которой чувствовалась сила и грация тренированного тела, дружившего с физическими упражнениями. В такт шагу красиво двигались бедра, призывно и маняще, но не было в этих спокойных, отточенных движениях ни единого намека на вульгарность или пошлость. Походка была настолько изящной и гармоничной, что захватывало дух. По мере приближения незнакомки стали доступны жадному взору молодых мужчин красиво очерченная грудь, нежная, тонкая шея и необыкновенное лицо. То, что к ним приближается красавица, было ясно уже с первых мгновений, но когда девушка подошла на достаточно близкое расстояние, у Сергея перехватило дыхание – так она была хороша. Её прекрасное лицо, нежный овал которого изящно обрамляли темно-каштановые, со вкусом уложенные, слегка выющиеся волосы, можно было назвать классическим, настолько оно было пропорциональным и безукоризненно вылепленным. Небольшой прямой нос с едва заметной горбинкой, широко расставленные большие глаза с серовато–синей окраской радужки гармонично сочетались с красиво очерченным ртом. В области висков темные густые пряди волос слегка вились, что придавало незнакомке особое очарование. На девушке был надето длинное платье, скроенное таким образом, что больше походило на древнегреческую тунику, чем на современную женскую одежду. Бретели платья, перехлестываясь, сходились около левого плеча, где располагалась необыкновенной красоты изящно изогнутая застежка, по форме напоминающая змею. Что-то прекрасное, нежное, и до боли родное яркой зарницей вспыхнуло в памяти молодого врача, какие смутные, нечеткие, расплывчатые, но счастливые воспоминания пронесли в голове, и на душе вдруг стало спокойно, светло и радостно. С детства Сергей увлекался историей Древней Греции, до дыр зачитывая исторические романы на эту тему в тайне мечтая когда-нибудь встретить настоящую гречанку. Эта юная незнакомка, с классически правильными чертами лица и великолепной фигурой жительницы древней Эллады, одетая в нечто похожее на традиционный наряд этой страны, вызвала смятение в его душе. Неожиданно для него самого могучая волна счастья и безудержного веселья захлестнула парня. Не помня себя от переполнявших его чувств, Сергей бросился навстречу девушке, упал на колени и громко закричал, подражая своим любимым книжным героям: «Радуйся, радуйся народ Эллады, несравненная Артемида вернулась к нам!». Девушка испуганно отшатнулась. Но молодой доктор не дал ей опомниться, повинувшись безотчетному порыву, он схватил красавицу на руки и крепко прижал к себе. Ничего не понимающая девушка попыталась вырваться, но затихла в сильных и одновременно нежных руках незнакомца. Осознав, что ей ничего не угрожает, очаровательная незнакомка затихла, оставив попытки выбраться из крепких объятий мужчины. А молодой врач был не в силах отвести глаз от ее удивительно прекрасного лица. Он смотрел на свою богиню пылающим взором, а она читала в его глазах восхищение, восторг, наслаждение, радость, любовь и счастье.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.